

Кое - что о помидорах

Это было в Колпашеве. Я еженедельно ходил на рынок за продуктами. И не мог не обратить внимания на старичка аккуратно одетого и продававшего крупные, ярко красные, сочные, вкусные помидоры. А однажды разговорились и я узнал, что эти помидоры не привозные, а выращенные им в парнике. Оказалось, что он приходился тестем Николая Петровича Аршинова, с которым мы были знакомы. Я преподавал историю в учительском институте, а Николай Петрович вёл занятия по биологии в педагогическом училище и ежегодно возил «пятипроцентников» в Томский государственный университет, где они блестяще сдавали экзамены и становились студентами (пример тому профессор П.А. Окишев и др.). Звали этого старичка Аким Михайлович Агеенко.

Видимо, учитывая наши отношения с Николаем Петровичем, с которым мы стали друзьями, однажды Агеенко пришёл ко мне на квартиру и поделился своим горем.

А произошло вот что. В январе 1935 года в стране была отменена карточная система на хлеб. Однако летом этого года виды на урожай оказались неважными. И правительство приняло постановление, обязывающее колхозы, кроме семян, сдавать всю пшеницу и рожь нового урожая государству. Не вводить же снова карточную систему. Иначе получился бы мировой скандал. Данное постановление не было опубликовано в печати, его разослали по партийным организациям. Как поступил председатель сельхозартели небольшой деревни Мормыши Алтайского района коммунист Аким Михайлович Агеенко? Он полностью рассчитался по хлебопоставкам, снарядил сверхплановый «Красный обоз», немного оставил НЗ на всякий пожарный случай, засыпал семена, а остальное раздал колхозникам.

Тот поздний тёплый осенний день запомнился колхозникам на всю жизнь. С согласия председателя, удалось организовать коллективное застолье, прямо на улице. Парни принесли длинные доски, сделали столы-временки, затем складчина, на столах появились еда, медовуха и даже брага из свёклы. Небольшие речи в честь дорогого товарища Сталина, родной партии, не забыли добрым словом упомянуть руководителя колхоза. А дальше гармошка, пляска и весёлые частушки до заката солнца. Девчата наши петь умели, на редкость голосистые.

Однако то, что Агеенко выделил часть пшеницы членам сельхозартели на трудодни, явилось по тем временам страшным преступлением. Его исключили из партии и посадили. По словам Акима Михайловича в камере смертников он находился 21 день. «О том, как велось следствие, не буду говорить. Скажу лишь, при допросе совершенно исключено доказать, что ты не верблюд. Здесь я впервые почувствовал себя букашкой. Да и опыта обороняться не было. К тому же, вёл себя осторожно, потому как рядом со мной шагала 58 статья, которую

приходилось страшно бояться. Эта 58 тогда широко гуляла по всем слоям населения нашей страны, особенно после убийства Кирова» - таково его мнение. Суд вынес решение – пять лет лагерей, которые Агеенко отбыл день в день. После смерти жены, Аким Михайлович приехал в Колпашево к приёмной дочери Анне Ивановне Аршиновой и стал выращивать помидоры.

После XX форума коммунистов в 1956 г. у него появилась надежда восстановиться в КПСС. С этой целью ему пришлось написать письмо первому секретарю обкома партии В.А. Москвину, но за подписью заведующего общим отделом получил отказ. Кто помог написать за Агеенко в обком, я не знаю. А вот когда секретарём обкома стал И. Т. Марченко, Аким Михайлович попросил написать прошение меня. Вскоре пришёл ответ от того же завотделом - отказать. Я понял, что Аким Михайлович что-то мне недоговаривает, потому как в то время бюрократическая отписка, тем более на таком высоком уровне, исключалась.

В 1965 году Томскую партийную организацию возглавил Юрий Кузьмич Лигачёв. К тому времени Н. П. Аршинов с домочадцами переехал в Томск, под научным руководством профессора Б. Г. Иоганзена защитил кандидатскую диссертацию, и работал начальником учебной части ТГУ. Где-то в начале 1966 года Агеенко снова у меня на квартире. Я, конечно, понимал, зачем он пришёл. Откровенно говоря, у меня не было особого желания вновь беспокоить партийные органы. Мы долго беседовали. И вдруг, совершенно неожиданно я задал ему вопрос «А чем ты занимался «там»?». Агеенко долго смотрел в одну точку, а потом слёзы градом посыпались из глаз. Началась истерика. Только что-то хочет сказать, как его снова трясло, зуб на зуб не попадает. Чтобы успокоить, я подал ему водки, а он спиртное не употребляет. Холодная вода помогла. Как тут откажешь человеку, и я взялся за перо.

А далее беру грех на себя, но не думаю, что очень ошибаюсь. Когда Юрий Кузьмич прочитал письмо Агеенко, то потребовал, чтобы ему принесли все документы, касающиеся Акима Михайловича. А там значилось, что в период его работы на Ленских приисках, в 1912 году, в числе других, оказался уволенным. При огромном дефиците рабочей силы, просто так человека не увольняют – так рассудил секретарь обкома (напомню, хозяева золотых приисков английской акционерной компании учинили жесточайшую эксплуатацию. В ответ рабочие в апреле 1912 г. провели демонстрацию протеста. Более 500 человек оказались убитыми и ранеными царскими войсками. Многие демонстранты уволены, лишившись источника существования). Кроме того, Юрий Кузьмич выяснил, что Агеенко являлся активным участником партизанского движения в Восточной Сибири против белогвардейского генерала Сахарова. Не забыл оценить историю с «Красным обозом» и принял решение...

Семья моя тогда проживал в деревянном доме на втором этаже по улице Учебная. Однажды раздался звонок и я вышел в сени, чтобы

открыть дверь, натянул шнур, дверь открылась, и Агеенко буквально врывается, необыкновенно энергично поднимаясь по лестнице. Сравнялись, и на помолодевшем лице сияла радостная улыбка, а на груди у него красовался орден Трудового Красного Знамени. Тот, который он должен был, кажется, получить в конце 1935 года. Я всё понял и хотя с нервами у меня всё в порядке, тем не менее, слёзы затмили глаза.

В тот выходной день мы о многом вспоминали. По его инициативе ответил, чем он занимался «там». Аким Михайлович долго об этом говорил и я многое забыл. Но канва рассказа врезалась в моей памяти основательно. Рассказывал он по простому, образно, употребляя местные слова. Передать его лексикон я не могу, не Шолохов и не Астафьев, а вот за точность мыслей ручаюсь головой.

- Привезли нас в Барнаул, который в те годы бурно развивался. Разместили на зоне в длинных деревянных бараках, расположенных за городом, недалеко от реки Обь. Здесь мы и начали трудиться. Тогда основные должности занимали осуждённые: бригадиры, врачи, бухгалтеры, повара. Словом, кроме охранников на вышках всё делали зеки.

- После завтрака, мы возвращались в барак. Как только раздавался удар об рельсу, к нам врвался крупный детина и с криком «вон на работу» крутил тростью над нашими головами, а кто замешкается, того ждал удар по ногам. Где только находят таких идиотов. Звери, а не люди. Вели себя хуже полицаев на оккупированной территории времён Великой Отечественной войны. Позже начальство отменило самоуправство палачей.

- С бригадиром нам повезло, им стал Николай Иванович, мужчина в своё время окончивший не то спецшколу, не то строительный техникум. За что получил срок, он никогда не говорил. В отличие от других бригадиров, не кричал, не ругал. Наша бригада «специализировалась» на закладке фундаментов под будущие дома и промышленные объекты.

Работа тяжёлая, всё время копали землю. Основным орудием труда была лопата, а зимой ещё и лом. Кормёжка была скверная: утром баланда. Это кипячёная вода, куда засыпали капусту, дроблёную картошку в мундире, пшеницу, головы рыб - для помутнения сдабривали мукой, а чаще отрубями. На второе - черпачок перловой каши. Вечером давали только баланду. Хлеб - в зависимости от выполнения плана. Но бригадир наш толково заполнял наряды, и мы получали по 700 грамм. Хлеб давали утром и от нетерпения мужики, все как один, его съедали сразу. Очень радовался, когда доставалась горбушка, желудку всё-таки приходилось чуть больше поработать. От непосильного труда мы стали худеть. Было ясно, что пройдёт какое-то время и нас заруют в землю.

- Однажды осенью нас привели в баню, я только начал раздеваться, как подошёл незнакомый мужчина и за мои добротные яловые сапоги предложил поношенные кирзовые, в придачу булку хлеба и кусок сала. Соблазн великий. Эта булка у меня, страшно голодного, всё время торчала в мозгах. Но я не согласился, поскольку всё время ждал, что кто-

нибудь всё - таки посмотрит моё «Дело», что страдаю-то я несправедливо, и досрочно отпустят домой. Тем более узнали, палача Ягоду расстреляли и на его место назначили лучшего друга товарища Сталина Ежова. Всё время жил надеждой. Напрасно ждал.

Когда вымылся и подошёл к своей одежде, то вместо сапог лежали ЧТЗ (нечто не похожие на ботинки, сделанные из автопокрышек, во имя Челябинского Тракторного Завода) примерно 48 размера и несколько портянок. Куда жаловаться, да и кому ты нужен. Словом, намотал я портянки, надел ЧТЗ и в них всю зиму ходил. Кстати, эта обувь в ту суровую зиму меня и спасла. Если бы сохранил яловые сапоги, куда входили только тонкие носки, то непременно дуба дал. Сколько было случаев, когда прямо на работе из-за переохлаждения ног мужики умирали.

- Тем не менее, постепенно силы меня покидали. На каком-то этапе ЧТЗ стали тянуть как свинцовые гири. Я понял, что сильно истощён и ноги не держат. Земляк из соседнего села отвёл меня в барак, откуда никто живым не выходил. Об этом все мы знали.

-Надо иметь в виду, что через какое-то время всегда к нам в барак приходил шофёр и громко кричал: « кто хочет заработать черпак баланды?». Ему в ответ; «А что делать прикажете?» Ответ: «жмуриков» надо закинуть в машину». Как правило, он брал двоих, и они удалялись. Я никогда не ходил на такой промысел, а вот знакомый из нашей бригады однажды попробовал. И потом мне рассказывал, о том, что сначала машина забирала покойников в больнице, а потом в бараке. Мертвецы не тяжёлые, килограмм 30, все высохшие, так что легко забрасывали в кузов полуторки. Мой собригадник подытожил: такой труд вызывал отвращение, ибо через недели или месяцы и тебя таким же манером отвезут в общую могилу. Больше он не пытал на этом поприще счастья.

Вот сюда меня и доставили. Это - длинное стандартное строение, внутри которого во всю длину, с обеих сторон установлены двухъярусные нары, каждые из них на 4 человека. Однако наверху все места заняты, потому что там теплее. В этом бараке функционировали две печки, расположенные в разных концах, состоявшие из железных бочек. Но они всегда были окружены плотным кольцом молодых ребят, предполагавших таким образом выжить. Дрова сырые, в силу чего на нижних нарах гулял холодок. К тому же при моей худобе наверх уже не подняться. С трудом нашли место внизу, и я стал ожидать смерти.

- Если судить мерками сегодняшнего дня, то картина вырисовывается ужасная. Когда мы в поисках, где бы расположиться, обошли весь барак, то видели разных мужиков, совершенно спокойно на нас взиравших, прекрасно представлявших, что жизнь их висит на волоске. У одних с глубоко впавшими щеками рядом находилась нетронутая баланда, организм уже не принимал пищу, у других недержание мочи и пренеприятный запах, дальше не буду говорить. А нас, в то время,

волновал только один вопрос, как бы лучше устроиться, на остальное смотрели безразлично.

- Уж так получилось, но однажды я на самом большом серьёзе обратился к Богу. Я умолял его о том, что здоров и не болею, просил, чтобы он дал силу выбраться из этого злополучного пристанища. Что ты добрый, всем помогаешь, сделай милость и для меня. Прошло немного времени, и тёплая кровь пошла по моему телу, дошла до колен, я поднялся, и, шатаясь, вышел на улицу. А там пурга, но сквозь снежную пелену разглядел, как вдали двигалось что-то чёрное. И я пошёл навстречу. Беспокоило только одно, хватит ли энергии дойти. Дошёл. Два мужика тянули сани, на которых была установлена деревянная двухсотлитровая бочка, наполненная водой. Один тянул повозку в оглоблях, а другой упирался сзади. Я взялся за оглоблю, они не возражали, видимо и у них силёнок небогато. Дотянули бочку до столовой и всем нам дали по черпаку густой баланды. Это было моим спасением. На следующий день мы уже на равных снова притянули бочку от водокачки до столовой и опять густую.

- Как-то раз старший барака зек увидел, что я нормально хожу, он и направил меня в мастерскую по ремонту обуви. Там пришлось забивать деревянные гвоздики в подошву ботинок и сапог, кроме того, вскоре меня, как наиболее крепкого, заставили ходить в столовую за баландой. Деревянная посуда, в которой мы мылись в бане, для меня была не так тяжела, зато полагалось пол черпака баланды. Это уже совсем не плохо. Постепенно появились хорошие ботинки нужного размера, новая телогрейка, шапка на кроличьем меху.

- Вскоре начальство установило трёхразовое питание: утром, в обед (привозили на объект), вечером. Прибывшие этапом вновь осужденные рассказывали, вроде Западно-Сибирский крайком партии заинтересовался, почему заключённые в лагерях мрут, как мухи. Было принято соответствующее постановление: Никогда не забуду такой случай: однажды в столовой раздавали по двадцать грамм сливочного масла. Мужчина в белом одеянии на подносе разносил это добро. А когда сравнялся со мной, из уст моих неожиданно вылетело: «а добавок нельзя?». Он посмотрел на меня, да как плюхнет масло аж грамм сто прямо на мой кусок хлеба. Боже мой, ведь не перевелись ещё добрые люди! (до этого по 15 грамм давали очень немногим - только ударникам коммунистического труда. Их потом стали называть стахановцами).

- Хуже кормёжка стала, когда проходила финская война. Оно, право, как-то все зимы тяжело переносили. Всегда возникал вопрос, выживу ли я, на сей раз. Откровенно сказать, жить то очень хотелось, и каждый из нас за неё цеплялся кто как мог. Наконец, срок мой кончился, вызвали в правление и сказали, забирай свои манатки, зайдёшь за справкой и отчаливай домой. При любых обстоятельствах, всё лагерное дома я сожгу, поэтому подарил мужикам телогрейку, ботинки, шапку и даже штаны. Одет был во всё рваном и дырявом. Со стороны на меня страшно

смотреть. На дорогу дали булку хлеба, тогда её называли кирпич. Не торопясь начал её щипать, часа за три-четыре это добро освоил. Сытым не стал, а вот вскоре начало крутить вертеть. Уже позже с ужасом осознал, мог произойти заворот кишок и конечно со смертельным исходом. Добрался до села вечером. В таком неприглядном виде стеснялся появиться в родных местах, я дождался темноты и огородами добрался до собственного дома. Жена уже в курсе и встречала.

- И ещё. На работу скотником устроился сразу. Меня, конечно, интересовало, как отнесутся люди ко вчерашнему тюремщику. Тем более, в «Красном уголке» висел лозунг «Советский суд, самый справедливый суд в мире!» Хожу по улице, колхозники встречаются, слегка улыбаются и идут дальше. Никто ни спросит, «как так, да что». Лишь однажды, сосед, с которым когда-то партизанили, сказал: «ты, Михалыч, не беспокойся, народ тебя крепко уважает, ведь пострадал, знамо дело, за зря. А пшеницу, которую тогда нам раздал, у нас всё равно выцыганили. Приезжали уполномоченные из города и очень настойчиво просили подписаться на заём. Некоторые сразу подписались, а другие упорствовали. К ним уполномоченные приезжали раза три, и они сдавались. В общем, пшеничку забрали, а выдали облигации. У каждого из нас, уверяли уполномоченные, появилась возможность выиграть сто тысяч рублей. А почему люди побаиваются разговаривать с тобой, так ты же совсем недавно значился как враг народа, отсюда, сам понимаешь, осторожничают, как бы чего не вышло, время настало такое. Алтайские крестьяне – трудяги оказались самыми неугодными верхам». Агеенко отметил, что его долго преследовала мысль, а не посадят ли ещё за какую либо чертовщину.

На этом можно остановиться. Подчеркну только, Аким Михайлович так долго вёл рассказ, будучи как-то вдохновлённым, создавалось впечатление, что ему представилась возможность свободно впервые обо всём этом говорить, попытался вроде бы сбросить с себя тяжёлый душевный груз, да и орден вдохновлял. К тому же рядом собеседник, как никто другой, внимательно слушает.

А сейчас несколько эпизодов из его лагерной жизни, которые запомнил:

- В бараке ночью свет не выключался. Эти, сволочные парни, лет 17 – 20, примерно с 11 вечера и до 2 часов ночи, всё ищут, что бы хоть какую – либо вещь тяпнуть. А если кто предался крепкому сну, то осторожненько стянут стежонные чулки, которые нам всем накануне морозов выдавало начальство. У меня, например, однажды украли ложку, главное орудие зека. Подленькие людишки, они и на воле всю жизнь будут воровать.

- У нас не было ни матрасов, ни одеял, вместо подушки - шапка. Словом, спали на голых нарах одетыми. Ни у кого из нас не возникала мысль о том, чтобы ночевали на мягком. Виноват – майся и страдай. Умывались от бани до бани, у многих утром вместо открытых глаз -

узенькие, узенькие щелки и лица становились круглыми, отчего трудно определить, сколько человеку лет, не то 20, не то 60. К середине дня опухоль спадала. Видимо, с почками у них не всё в порядке.

- Голод не тётка, так у нас говорят. На некотором расстоянии от кухни всё время торчали доходяги, очень опустившиеся люди. А повара нередко на помойку выбрасывали капустные кочаны, и эти мужики пожирали такие грязные и холодные снадобья. Судьба их известна – дизентерия и смерть. Одни выбывали, их сменяли другие.

- Однажды зашёл в уборную, а там чуть в сторонке большая куча пшеницы, пропущенная через желудок. А вечером зашёл по нужде – пшеница исчезла. Видимо, кто-то подобрал, промыл, поджарил и снова в рот.

- Не так далеко от нашей ремонтной мастерской расположена конюшня. Под вечер, смотрю, подъехал кучер и что-то выгрузил из мешка. Соблазн велик, и когда, как мне показалось, конюх удалился, я проник в помещение, а там, в углу, перегоревшие кусочки хлеба, вываленные в муке. Понятное дело, это для лошади. Для меня же богатство – то какое. Я только за пазуху засунул несколько пригоршней такого добра, как увидел, с палкой в руке ко мне приближается хозяин кобылы. Я кинулся бежать, но ему всё-таки удалось задеть по спине. Долго болело это место, но ведь никому не будешь жаловаться.

- Наш бригадир проживал в другом месте, а тут приходит с поварихой. На нарах у нас был промежуток малый, там они и расположились. Она: «Люди не спят, стыд-то какой». Он: «Да ты что, они наломались на работе, давно уже дрыхнут». А когда они, укрывшись одеялом, начали крутить любовь, сердце у меня, самца, так застучало, вот-вот вырвется из груди. А мой «друг», в своё время производивший наследников, даже не пошевелился. Получается так, что нас вроде временно кастрировали (первый раз услышал, как Агеенко смеётся. Тема не для стариков – Л.Е.)

- Будучи в злополучном, смертном бараке, появились богато одетые мужчина и женщина. Пришли они за своим сынком, по лицу видать барчуком, таким надменным, дошедшим до того, что мог только сидеть. У него в шапке была иголка с намотанной на ней ниткой. Когда родители на минутку удалились, я попросил, чтобы эту не очень дефицитную штуку он подарил мне. Его ответ меня поразил: «Самому дома пригодится». И я тогда подумал, если этот человек и выздоровеет, а потом даже станет возможно начальником, то он будет страшно далеко от сослуживцев, от простого народа. Гадёнький.

- Мы, конечно, разговаривали между собой, но политические вопросы обходили стороной. Боялись друг друга. Доносчиков и здесь хватало. Постоянная и неисчерпаемая тема голодных – это поварские дела. Кто-то добротнo готовил суп или борщ, другой хвастался умением печь пироги с грибами или капустой, т. д. и т. п. Разжигали аппетит до предела. И

конечно, в желудке выделялся соответствующий сок, но он там не встречал ни пироги, ни пышки. От этого люди заметнее убывали в весе.

— Как-то раз, не могу вспомнить по какому случаю, или накануне 1-го мая, или 7-го ноября, а может в связи с подведением итогов социалистического соревнования согнали нас на площадку около нашего жилища, были и гражданки. Они коротали срок отдельно в бараке за колючей проволокой. Погода - отличная, море солнца. Разговор, как на ярмарке, но только об одном - откуда, сколько, за что. Мужики окружили баб, давно они не были так рядом. Огромная толпа народу. Вдруг кто-то запел, его подхватили другие. Песня, про юную цыганку. Оказалось, что слова знают все, кроме меня. Боже мой, что тут было! Прозвучали такие голоса, брали такие высокие ноты, что здесь будто собрались народные артисты Советского Союза (а может они и были таковыми в то беспокойное время). У меня сохранились отрывки этой песни: « Восток зарёй пылает, наш табор кочевой... » Женщины громче пели, а слёзы обильно сыпались из глаз, особенно рыдая, пели те, которые отбывали срок за « колоски ».

— Ты спрашиваешь, получал ли посылки? Не очень часто, но жена снаряжала. И каждый раз из ящичка извлекал варёную картошку в мундире. Я ей пишу, чтобы очищенную, а она снова - в мундире. Беда в том, что у меня не хватало терпения её очистить, и съедал вместе с кожурой. Хранил посылки в каптёрке, это чтобы никто не украл. А там гарантия. Конечно, если волю дать, то я посылку осилил бы за пару дней. Но приходилось проявлять железную волю: каждый раз в день две картошечки, одно яйцо, пару вяленых ельчиков и два сухарика. Таким манером хватало на целую неделю, а то и больше».

- Однажды, к нам пригнали небольшую группу политических. Уголовники - я себя никогда не считал таковым - их ненавидели и боялись, потому что, как бы нечаянно вылетевшее неугодное слово, и могли переделать на 58 статью. К моему величайшему удивлению среди них оказался « мой » судья. Зла у меня к нему было более чем достаточно. На суде он занял обвинительную позицию, вёл себя круче прокурора. Издалека, но мы узнали друг друга. Как-то раз даже поговорили. Я ему сказал; « ты на суде не давал мне рот раскрыть, всё хорохорился и защитника подсунул идиота. Только во время суда узнал, что сбоку от тебя сидит человек, оказавшейся моим защитником. Он всего несколько слов сказал, мол, подсудимый, кажется, не знал о партийном решении, поэтому просил смягчить наказание. А 200 рублей содрал с моего дома » (точную сумму, которую назвал Агеенко, не помню - Л.Е.) Слова судьи: « я действовал всё по закону ». Я в ответ: « а за что же нас уравнили? » Он: « я за другое, в анкете не указал, что мой дядя по матери был офицером колчаковской армии, расстрелянный чекистами ». Больше ни у него, ни у меня не было желания разговаривать. Но я подумал, а ЧТЗ всё равно поносишь паразит, потому как на ногах у него модные ботинки. Через

некоторое время он исчез, видимо, направлен на Колыму, всех смертно пожирающую.

Остальные случаи из жизни моего героя забыл, хотя на память я вроде бы никогда не обижался, к тому же воспользовался записями, которые сделал после ухода гостя. Но не приведённые здесь факты в основном однотипны.

Аким Михайлович за всё время нашей беседы так и не дотронулся до рюмки. «Зло от неё большое, столько бед это зелье приносит. На свадьбах или праздниках приходилось быть самым скучным человеком», - говорил Агеенко. А я попробовал, и, будучи навеселе, в конце нашего разговора, задал ему каверзный вопрос, который никогда не задают людям. «Аким Михалыч, вот ты до глубины души крестьянин, любишь копаться на мичуринском, часто возишься с внуками, Толей, Сашей, Петей, скажи, что бы ты делал, если в ваш лагерь ворвались японцы и всех освободили?». Мой собеседник без всякого пафоса, повествовательно ответил: «Видишь ли, я бы на родине организовывал партизанский отряд. Очень пригодится мой опыт периода Гражданской войны. Вооружаю винтовками, ружьями, вилами стариков, баб, привлекаю парнишек в качестве разведчиков. Восстанавливаю связь с другими отрядами, и начали бы громить самураев. Мы, ведь, упорные, жилистые и землю свою любим». «Но, право, в бою могли и убить» - сознательно уточняю я. «Видите ли, товарищ Ефанов, я очень боялся умереть в лагере униженным, оскорблённым, очень боялся, в тут, уверен, хоронила бы меня вся деревня. Выше чести и не придумаешь». И я подумал, вроде мужик небольшого роста, да и худенький телом, а надо же, какой богатырь душой.

Областная газета сыграла большую роль в дальнейшей судьбе моего героя. Когда Аким Михайлович получил в торжественной обстановке из рук первого секретаря обкома партии высокую Правительственную награду, то в «Красном знамени» появилась статья о нём. Конечно там далеко не обо всём говорилось, но как расстреливали рабочих английские кровопивцы руками наших солдат, как партизанил, автор очерка осветил подробно. И директора школ стали приглашать его выступать перед учащимися. Педагог делает вводное слово, а затем перед ребятами предстаёт человек, живая легенда тех далёких событий. Для Агеенко это были счастливые времена. Как говорят спортсмены, у него открылось второе дыхание. Трудно сказать, в каких только школах он не побывал. Тогда Аким Михайлович почувствовал, как и в молодые годы, что он нужен людям. Какое впечатление производили встречи Агеенко с молодёжью, могу судить по собственному опыту.

В октябре 1939 года, то есть два месяца спустя после того, как наша Красная Армия разгромила японских агрессоров в районе реки Халхин-Гол, к нам в школу пришёл командир батальона, участник тех событий. Среднего роста, стройный (тогда командиры не носили толстый слой жира на животе); а на груди блёстел орден Красной Звезды. Он

подробно рассказал, как его войны били самураев. Мы очень завидовали тем, кто героически сражался против иноземных захватчиков, и сами хотели быть такими же. После подобных встреч, а она была не одна, приглашали других военнослужащих, все ребята нашей школы стали сдавать на значки ПВХО, ГСО, ГТО, а некоторым удалось выполнить нормы Юного Ворошиловского Стрелка. О моральном состоянии и говорить не приходится – оно было на высшем уровне. Так что в годы ВОВ наши ребята школы № 2 города Ленинск - Кузнецкий сражались с фашистами, не жалея живота. А Афанасий Шилин, после десятилетки, окончив Томское артиллерийское училище, стал Дважды Героем Советского Союза. Он в 1941 году учился в 10, а я в 9 классе. Мне повезло, живой остался, хотя в 1943 году был ранен, а в 1944 - контужен. Победу сделали далеко от Родины.

Анне Ивановне Аршиновой жизнь отца известна до деталей, кроме эпизода с поварихой. И что потом. Прошло несколько лет, добившись своей цели, Агеенко успокоился, как-то сильно постарел, осунулся. Года, никуда не денешься, а однажды, говорила дочь, лёг спать раньше обычного и больше не проснулся. Это случилось на семьдесят шестом году его жизни..

Так, помидоры крупные, ярко красные, сочные, вкусные, помогли выявить двух целеустремлённых - всемирно известного партийного руководителя и Агеенко Акима Михайловича - человека с необыкновенно трудной судьбой и с чистой совестью.

Леонид Ефанов, телефон
март 2017 г.

41 20 72 или 8 905 63 5003